Литературная Россия
г. Москва
2 АВГ 1985

СПРАШИВАЕМ — ОТВЕЧАЮТ...

«В каждом — множество жизней...»

Алиса ФРЕЙНДЛИХ:

Много ли актеров, «на которых» люди идут в театр? Наверное, не слишком. А «на Фрейндлих» идут, даже специально приезжают в Ленинград из других городов. И если человеку посчастливилось достать билет на ее спектакль, сидит потом завороженный, внемля каждому слову актрисы, даже каждой ее паузе, потому что народная артистка СССР Алиса Фрейндлих обладает удивительной способностью обращать свое творчество не ко всему зрительному залу, а, кажется, персонально к тебе...

Я тоже принадлежу к тем, кто на невских берегах давно и постоянно приходит в зрительный зал «на Фрейндлих»: когда-то — в Театр имени Комиссаржевской, потом — в Театр имени Ленсовета, сейчас — в БДТ...

А этот разговор — уже после спектакля, в гримерной актрисы...

— Алиса Бруновна, когда шел сюда, мысленно прикинул, сколь несхожи характеры, которые вам довелось воплотить на сцене за почти три десятка лет: от Марии-Антуанетты до Малыша, который дружит с Карлсоном, от Джульетты до Уриэля Акосты, от арбузовской Тани до Раневской и Дульсинеи Тобосской... Складывается впечатление, что вы можете играть абсолютно все. И если отбросить «дипломатию»: у вас самой есть подобное ощущение? Вы сами к этому стремитесь?

— У меня такого ощущения нет. Как ни странно, существует целый ряд ролей, казалось бы, почти впрямую для моей индивидуальности, а я вот чувствую: не смогу, не выйдет... Все, наверное, зависит от какой-то внутренней предпосылки. Конечно, мне, как и всякому актеру, хотелось бы в ролях максимального разнообразия, во всяком случае всегда к этому стремилась, но вот «спортивного» желания сыграть «все» — нет, не испытываю...

— И все же такой диапазон характеров...

— Потому что хочется исследовать себя в мире, где я еще не была... И если в связи с этим возникает мысль о чувстве ответственности актера, то оно, помимо всего прочего, диктует необходимость не повторяться, не угощать зрителя одним и тем же блюдом. Скучно и стыдно тиражировать то, что уже найдено, хотя, наверное, обойтись без этого трудно. Одни актеры отправные точки ищут где-то вне себя, другие — в себе... Лично я всегда искала их внутри себя. Но ведь я не беспредельна, чтобы все время открывать в себе нечто новое. Однако, коли есть самоконтроль, можно уже найденное чуть-чуть повернуть иным боком — и, смотришь, это что-то новое вышло...

— Актеру для создания новой характерности и в театре, и в кино, пожалуй, много проще, нежели актрисе: прилепил нос, бороду — и вот уже определился внешний рисунок роли...

— И у актрис возможностей совсем не меньше: тоже лепи нос, надевай парик, и метаморфозы с фигурой вполне доступны... Правда, не всем женщинам на сцене и экране хочется себя уродовать. Что касается меня, то отношусь к этому спокойно. Рассуждаю примерно так: коли выставлю себя прилюдно в подобном обличье, то уж потом-то в своем нормальном виде наверняка буду казаться краше, чем есть на самом деле...

— Поэтому и согласились когда-то на роль в кинофильме «Служебный роман»?

— В какой-то мере... Помню, смотря тогда на экран, в первых трех четвертях картины, до волшебного «превращения» моей героини, воспринимала себя довольно мучительно, хотя и этот мой облик мне тоже хорошо знаком: когда утром смотрюсь в зеркало, то вижу обычно то, что у нас, актеров, называется «не побывала в проявителе», и удовольствия от этого, естественно, испытываю мало...

Но я еще хочу подчеркнуть важность для актера именно внутреннего перевоплощения. Глубоко убеждена, что в каждом человеке заложено множество жизней, но реализует он из того, что дано от природы, наверное, лишь одну сотую. Главная задача для представителя моей профессии: отыскать в себе эти дремлющие точки и развить до нужного образа, до нужных размеров, которые диктует пьеса и тот характер, который предстоит создавать. «Смотреть» и «слушать» у нас умеют все, а «видеть» и «слышать» — увы... Люди искусства эти глаголы обязаны различать, обязаны тренировать свой организм, чтобы именно «видеть» и «слышать» — и не только вне себя, но и внутри себя: отсюда проистекают те самые магические точки, на которых творчество живет, которыми питается...

— Наверное, особенно это важно, когда роль требует огромных эмоциональных сил?

— Да, подобные роли требуют особой внутренней сосредоточенности. И несмотря на то, что такие спектакли люблю, все равно заранее отчаянно боюсь: хватит ли сил? Иногда даже проскальзывает этакая «студенческая» мысль (как, знаете, перед экзаменом): «Хоть бы не состоялся!» Такой ролью, например, когда-то была арбузовская Таня — в день спектакля каждый раз портилось настроение. Потом так всякий раз происходило перед «Дульсинеей Тобосской». А на спектакле «Люди и страсти», когда заканчивался первый акт, требовавший огромного эмоционального напряжения, испытывала просто блаженство: самое трудное позади!

— Что такое талант, по-вашему?

— Понятие таланта я отождествляю с понятием интуиции. Наверное, этим он не исчерпывается, он много шире, но тем не менее интуиция в этом деле значит многое...

— Кстати, об интуиции. Вы ведь никогда не были в Польше, но вот вспоминаю вашу Гелену из «Варшавской мелодии»: этот удивительный «польский» шарм, эти очень «польские» интонации... Как такое возможно?

— Просто попросила одну студентку-польку прочитать мне всю пьесу вслух и потом «собезьянничала»...

— Когда на вас смотришь из зрительного зала, часто забываешь о всякой театральной условности. Допустим, когда у вашей героини на глазах слезы то я как зритель ощущаю, что это ваши слезы, что это не столько искусство актера, сколько ваша собственная боль и ваше собственное сердце. Если в своих предположениях я прав, то откуда актрисе брать силы на каждый новый такой вечер?

— У Уайлдера в «Дне восьмом» есть фраза: только тот, кто страдал, способен умудриться душой. Я знаю актрис, которые в состоянии плакать на сцене горючими слезами, но зрителей это не трогает. И, наоборот, есть такие, которые никогда не проронят ни одной слезинки, — и тем не менее зал от их игры цепенеет. Еще Станиславский говорил, что на сцене гораздо больше убеждают слезы сдержанные, нежели пролитые...

Мне думается, что актер на сцене в любом случае может пользоваться только какими-то своими, личными болями, независимо от их масштабов. Он должен уметь разбудить в себе ту болевую точку, которая соответствует болевой точке роли... Сколько на моей памяти не состоялось талантливых людей только потому, что жизнь сложилась у них слишком благополучно, слишком ладно — и люди утратили вот эти «болевые точки». Просто поневоле утратили, а не потому, что они себя сознательно защищали от каких-то внешних «бурь» и при этом, так сказать, «обросли жирком». Поэтому убеждена: счастлива судьба актера, у которого жизнь неровная, имеет свои «ухабы», свои падения и взлеты. Чем больше актер испытал всю разность человеческих состояний, чем больше в его судьбе разных «ухабов», тем она богаче...

— О том, как вы своей игрой способны действовать на зрителя, известно. А сами вы чувствительны? Например в кино плачете?

— Еще как реву — и в кино, и над книгой...

— Особую краску во многие ваши работы вносит песня. Песня в роли — это случайность или то, что вам тоже очень нужно?

— С детства обожаю петь. Всю жизнь любила музыку, которую вообще считаю высочайшим из всех искусств. И в спектакле песня необходима мне не «просто так», не для развлечения, а для наивысшего выражения мысли и эмоции...

— Вам никогда не хотелось выступать с песнями на эстраде?

— Всякого рода дилетантизм — вещь опасная...

— Позвольте, разве в песне вы — дилетантка?

— Конечно. Даже в кино считаю себя дилетанткой. Потому что не может быть у человека нескольких страстей. Страсть должна быть только одна, а остальное — так, около... И если у меня есть страсть — театр (а я уже поняла, что это основная и единственная моя страсть), то все остальное составляет просто дополнительные интересы, любопытство, и только в той мере, в какой это так или иначе переплетается с театром. Поэтому и в кино не перестаю быть театральной актрисой, и меня мучает, мне очень мешает, что не могу выстроить роль из-за непоследовательности съемок... На репетициях спектакля бывают моменты озарения, в кино такое случается реже (нет возможности долго и тщательно работать над ролью), но если кинокамере момент подобного озарения зафиксировать все же удается — это счастье! Однако, поскольку фильм снимается фрагментарно, рассчитывать на такое, увы, очень трудно... Ну, а завершая разговор о песне, хочу вспомнить забавный эпизод. Как-то в одном городе в праздничный день выхожу на сцену — и вдруг слышу заплетающийся, но довольно-таки громкий голос: «Спой, пож-ж-жалуйста: «У природы нет п-плохой погоды» — и б-больше ничего не надо...». Значит, кое для кого как актриса я вышла на второй план, а как поющая единица — на первый? Это немного огорчает...

— Как вы считаете, ваша Варя пойдет по маминым стопам?

— Едва ли. Недавно дочь призналась: «Не хочу быть актрисой, потому что тогда меня всю жизнь будут сравнивать, а я хочу быть сама по себе...»

— Вспомните, пожалуйста, самые сильные детские впечатления.

— Главное впечатление детства — ленинградская блокада. Хорошо, например, помню, как напряженно смотрела на часы: когда же стрелка наконец дойдет до нужного деления и можно будет съесть крохотную дольку от пайки хлеба? Такой жесткий режим устроила нам бабушка — и поэтому мы выжили... Однако вместе с трудным, с очень страшным в моих детских впечатлениях из тех дней осталось и острое ощущение того, что у блокадников была особая потребность в улыбке — видимо, в этом заключалась какая-то психотерапия, какая-то защита...

— Ну, а какая новая роль — впереди? В театре, например?

— Когда-то начинающей актрисой в Театре имени Комиссаржевской за четыре года я сыграла четырнадцать ролей. Потом за двадцать два года в Театре имени Ленсовета — ровно двадцать две... С годами, как видите, появляется разборчивость... Сейчас Георгий Александрович Товстоногов начинает работать над пьесой Нила Саймона «Последний пылкий влюбленный». Там в каждом из трех актов — по одной женской роли. Причем автор предупреждает: «Если театр захочет, то все три роли может играть одна актриса». Театр захотел...

Беседу вел и сфотографировал актрису

Лев СИДОРОВСКИЙ

ЛЕНИНГРАД